

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

ПРОСПЕКТ СВОБОДНЫЙ- 2017

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

ЭЛЕКТРОННЫЙ СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ,
АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
“ПРОСПЕКТ СВОБОДНЫЙ 2017”
ПОСВЯЩЕННОЙ ГОДУ ЭКОЛОГИИ В РФ

КРАСНОЯРСК, СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

17-21 АПРЕЛЯ 2017 Г.

**Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»**

Проспект Свободный - 2017

Материалы научной конференции
посвященной Году экологии в Российской Федерации
17-21 апреля 2017 г.

Электронное издание

Красноярск
СФУ
2017 г.

Международное направление
International direction

ЗНАЧЕНИЕ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПЛАТЕЖЕЙ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Шевчик Е.Е.,

**Научный руководитель ст. преп. кафедры трудового
и экологического права Фицай Д.А.**

Сибирский федеральный университет

Ограниченность природных ресурсов – критический фактор, принимающий всё большее значение в прогрессивном обществе. Проблема рационального использования и воспроизводства природных ресурсов в сфере взаимодействия общества и природы для улучшения качества жизни и окружающей среды имеет тенденцию расти, что обусловило выделение экологической функции государства в самостоятельную функцию, тем самым подчеркнув значимость данной сферы. Государство, посредством реформирования, стремится создать оптимальную модель экологического управления для реализации экологической функции [1].

Экологические платежи представляют собой сложившийся и активно действующий правовой институт – инструмент управления государства, при помощи которого оно реализует свои функции в природоохранной и природоресурсной составляющей. Большая вариабельность, а также правовая природа того или иного экологического платежа обуславливают особенности его установления и нормативного регулирования. При правовом регулировании экологических платежей следует исходить из того, что многие из них представляют публично-правовые платежи. Данные платежи включены в систему налогов и сборов Российской Федерации, и, как следует, регулируются нормами налогового законодательства.

На сегодняшний день указанные платежи – источник дохода бюджетов различных уровней. Бюджетный кодекс РФ в статье 35 закрепил принцип общего (совокупного) покрытия расходов. В соответствии с упомянутым принципом все расходы бюджета должны покрываться общей суммой доходов бюджета. Доходы бюджета не связаны с определенными его расходами, за исключением доходов целевых бюджетных фондов. Означает, что платежи за пользование природными ресурсами и плата за негативное воздействие, поступаая в бюджет того или иного уровня, имеют нецелевой характер.

Вообще, закрепление какого-либо платежа в форме налога подразумевает отсутствие целевой направленности данного платежа. Прежде всего, это связано с главной функцией налога – фискальной (пополнения государственного бюджета различных уровней). Но если на первое место ставить стимулирующую функцию экологических платежей (цель –

уменьшение экологически вредной активности субъектов), то эффективность их взимания зависит от степени уменьшения поступления в бюджет. Иными словами, при уменьшении экологически вредной активности снижается база исчисления платежа и вследствие этого – поступления в бюджет. И тогда взимание платежа можно признать эффективным. Однако вряд ли государство при взимании налога преследует такие цели. В результате экологические платежи, являющиеся налогами, в первую очередь решают фискальные задачи [1].

Учитывая разную правовую природу налогов и сборов, которая предопределяет особый подход к установлению этих обязательных платежей в бюджет, Конституционный Суд РФ (КС РФ) в Определении от 8 февраля 2001 г. № 14-О отметил, что элементы обложения сбором должны быть закреплены в законе о нем исходя из характера данного сбора. При всём при этом, указанные элементы определяет сам законодатель. При такой трактовке положений НК РФ судам при рассмотрении дел об уплате отдельных видов платежей за пользование природными ресурсами приходится для решения вопроса о законности или незаконности установления конкретного платежа в каждом случае самостоятельно определять его правовую природу. Нередко суды приходят к прямо противоположным выводам в отношении природы одного и того же обязательного платежа. Каков итог? Судебная практика не единообразна, что приводит к возникновению ряда вопросов, таких как: какой орган должен контролировать взимание, в каком порядке осуществляется контроль и т.д. Очевидно, что данную проблему нельзя назвать исключительно теоретической.

От того, какой характер имеет платёж (фискальный либо компенсационный гражданско-правовой характер), будут зависеть и последствия неуплаты или несвоевременной уплаты данного платежа, порядок привлечения к ответственности за неуплату, полномочия государственных контролирующих органов в отношении плательщика, порядок возврата излишне уплаченных сумм. Иначе говоря, одни платежи имеют правовую природу налогов, другие – правовые формы неналоговых платежей.

А.А. Сергеев в своей работе «Разграничение налоговых и неналоговых платежей: конституционно-правовой объект» указывает на различия налоговых и неналоговых платежей:

1. Специфику неналоговых платежей обуславливает объект;
2. Неналоговые платежи не являются индивидуально безвозмездными, так как их плательщики получают соответствующие блага (право на вылов водных биологических ресурсов);

3. В основании обязанности уплаты таких платежей лежит свобода выбора (покупатель вправе, но не обязан заключать сделку купли-продажи прав на вылов водных биологических ресурсов);

4. Уплата неналогового платежа обусловлена дополнительными затратами публичной власти, возникающими в связи с получением плательщиком соответствующего блага. Такие дополнительные затраты публичной власти должны возмещаться не за счет налогоплательщиков, а за счет лиц – получателей блага;

5. Следствием неуплаты неналогового платежа является не принудительное изъятие соответствующих денежных средств (налоговая недоимка), а отказ в предоставлении соответствующего блага.

Приведенные выше критерии отделяют налоги от неналоговых платежей. Разграничение платежей имеет большое значение. Нормативных актов, устанавливающих различные сборы и платежи, существует множество, и они постоянно совершенствуются, а дать оценку правомерности взимания платы за выполнение определенных функций органами публичной власти и создаваемыми ими организациями, бывает весьма затруднительно.

Прогрессивное претворение в жизнь принципа определенности налогообложения обеспечивает конкретизацию прав и обязанностей участников налоговых отношений, что позволяет им планировать свою деятельность на перспективу, дает уверенность в защищенности своих прав и законных интересов. Стабилизация налогового права, формализация всех этапов налогообложения, строгое соблюдение на практике требований законодательства о налогах и сборах, отсутствие пробелов обеспечивают достижение разумного баланса публичных и частных интересов. Таким образом, отсутствие определенности в характере платежа создает условия для злоупотреблений со стороны частных лиц, для массовых уклонений от уплаты налогов. Напротив, создание четких и «прозрачных» правил игры снижает опасность государственного произвола, повышает гарантии для «слабой» стороны налоговых отношений – граждан и организаций. Помимо этого, узаконенные правила препятствуют росту коррупционности в сфере налогообложения [2]. Определенность в характере платежа и его назначении – определенности в правовом регулировании.

Исходя из Определения Верховного Суда РФ от 26.03.2008 N 74-Г08-5 следует: «...оспариваемый Закон Республики Саха (Якутия) (далее – РС (Я)) не отвечает требованиям определенности, ясности и недвусмысленности законодательного регулирования, так как не содержит указания на категории недропользователей, подлежащих освобождению от уплаты платежей за пользование недрами, на виды и размеры платежей, а также на основания

освобождения от уплаты платежей, что приводит к нарушению принципа равенства всех перед законом и верховенства закона.

Вместе с тем является ошибочным указание в мотивировочной части решения суда на то, что оспариваемая часть Закона РС (Я) об освобождении недропользователей от уплаты платежей за пользование недрами противоречит пункту 6 статьи 13 Налогового кодекса РФ (о федеральном налоге на добычу полезных ископаемых), пункту 5 статьи 59 и пункту 5 статьи 64 Бюджетного кодекса РФ (об отсрочке и рассрочке уплаты федеральных налогов и сборов). И Бюджетный и Налоговый кодексы Российской Федерации имеют иной предмет правового регулирования, не имеющий отношения к платежам за пользование недрами, в связи с чем не подлежат применению к спорному правоотношению...».

Правовая природа экологических платежей имеет немаловажное значение для такого явления как переплата – когда субъекты платежей вносят излишнюю сумму, рассчитывая на её дальнейшее включение в сумму последующего платежа или же на возврат данной суммы. П. 7 ст. 78 НК РФ установлен трехлетний срок на возврат излишне уплаченного земельного налога в спорной сумме, исчисляемый со дня уплаты налога [3].

Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17.01.2013 N 09АП-38529/2012, 09АП-39406/2012 по делу N А40-81706/12-91-449 говорит о том, что при наличии переплаты по налогам налоговые органы обязаны самостоятельно направлять эти суммы на погашение имеющейся у налогоплательщика задолженности.

В Постановлении Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.12.2011 по делу N А68-14142/09 Общество обратилось в Инспекцию по Зареченскому району г. Тулы с заявлением о возврате земельного налога в указанных суммах.

В статье 78 Налогового кодекса Российской Федерации определены основания для возврата излишне уплаченного налога, а именно: наличие переплаты по нему, отсутствие недоимки по иным налогам соответствующего вида или задолженности по соответствующим пеням, штрафам, начисленным тому же бюджету, соблюдение налогоплательщиком трехлетнего срока со дня уплаты налога на подачу заявления. Суд апелляционной инстанции указал, что задолженность по пене по водному налогу в сумме 1,62 руб. не считается таковой для целей учета ее при оценке соблюдения ОАО «Тульский оружейный завод» условий ст. 78 НК РФ, так как водный налог в отличие от земельного налога не является местным, а относится в соответствии с п. 8 ст. 13 НК РФ к федеральным налогам. Таким образом, материалами дела подтверждено право Общества на возврат излишне уплаченного земельного налога.

Итак, в устойчивом закреплении и действии системы экологических платежей проявляется принцип платности. Введение законом определенной обязанности по уплате

того или иного платежа может стать для плательщика своеобразным барьером, который, в свою очередь, может послужить стимулом либо к рациональному потреблению ресурса, либо напрямую к снижению своего негативного воздействия на окружающую среду.

В любом случае принцип платности представляет собой, прежде всего, юридическую форму реализации государством права собственности на природные ресурсы, а также средства достижения баланса экономических и экологических интересов общества. Очевидно несовершенство, точнее неопределенность в правовом понимании данных платежей, а самостоятельность судов в проведении анализа правовой природы платежей неизбежно приводит к отсутствию единообразия судебной практики.

Государство, ставя перед собой цель достижения и обеспечения баланса интересов, решает ряд важных задач: повышение заинтересованности пользователя в эффективном использовании природных ресурсов; создание материальной заинтересованности в сохранности и воспроизводстве природных ресурсов; изыскание дополнительных средств на восстановление природных ресурсов. Что, несомненно, но постепенно приведет к слаженной работе самого механизма государственного управления и регулирования в сфере экологии и природопользования.

Важно отметить, что государственные налоги и сборы не должны ставить своей основной целью только пополнение бюджета, ведь цель их введения – стимулирование граждан беречь, а также восстанавливать природные объекты. От этого зависит качество жизни и здоровья людей, состояние окружающей среды. Кроме того, данные платежи регулируют интенсивность использования природных ресурсов, способствуют ресурсосбережению, что, несомненно, важно в наше время, когда все больше истощаются запасы сырья, и природа не успевает восстанавливать нарушенный баланс. В современном мире имеется возможность находить иные – альтернативные источники энергии. Свет, вода, тепло – это то, что человек может использовать уже сегодня, тем самым снижая потребность в источниках, добыча которых наносит вред окружающей среде.

Список использованных источников

1. Ялбулганов А.А. Правовое регулирование природоресурсных платежей. УМК / Ялбулганов А.А. // М.: Юстицинформ, 2015. – С. 192
2. Демин А.В. Неопределенность в налоговом праве и правовые средства ее преодоления (монография) / А.В. Демин // Москва: Изд-во ИЦ РИОР, НИЦ Инфра – М. 2012. С. 245.
3. Налоговый кодекс РФ (ч. 1) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ ГРАЖДАН

Филиппова А.Д.

**Научный руководитель старший преподаватель кафедры трудового и
экологического права Спиглазова Т.Г.**

Сибирский федеральный университет

Актуальность настоящей работы обусловлена тем, что охрана окружающей среды - одна из наиболее актуальных проблем современности. Нарастание экологических проблем к семидесятым годам XX века достигло такого масштаба, что человечество осознало, что нерациональное использование природных ресурсов и дальнейшее загрязнение окружающей природной среды ведет к катастрофе.

Развитие рыночной экономики, процессов интеграции и глобализации отнюдь не способствует улучшению экологической ситуации в мире. В частности, выявлено, что человеческая цивилизация за время своего существования разрушила более 60% естественных экосистем на суше.¹ В настоящее время, во взаимодействии общества и природы происходит постепенный переход от антиэкологической по своему характеру эпохи к эпохе экологической, когда рост общественного производства в странах мира согласуется с его природными основами и возможностями.

В соответствии со ст. 42 Конституции Российской Федерации 1993 года каждый имеет право на благоприятную окружающую среду.² В случае если окружающая среда по вине каких-либо субъектов стала неблагоприятной, гражданин или юридическое лицо вправе обратиться за защитой данного права в различные органы государственной власти, в том числе судебные.

С точки зрения юриспруденции под экологическими правами принято понимать закрепленные в законодательстве права, направленные на удовлетворение потребностей человека и гражданина при взаимодействии с окружающей средой.

Основные экологические права человека и гражданина закреплены в Конституции РФ и расширены, и дополнены в соответствующих федеральных законах.

На наш взгляд, существуют различные причины нарушения права на благоприятную окружающую среду, связанные с недостатками в сфере государственного управления. Во-

¹ Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С., Рейф И.Е. Перед главным вызовом цивилизации. Взгляд из России/ В.И. Данилов-Данильян, К.С. Лосев, И.Е. Рейф // Зеленый мир.- 2006.- № 19.- С. 12.

² Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. конституц. закон от 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ)// Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

первых, нарушение экологических прав заключается в сознательном игнорировании существующего законодательства по защите экологических прав должностными лицами, принимающими решения. Эта причина может быть обозначена как экологическое правонарушение или экологическое преступление, и защита экологических прав в этом случае должна осуществляться посредством судебных органов. Другой распространенной причиной нарушения права на благоприятную среду является принятие решений должностными лицами, отдаленные последствия которых нарушают экологические права граждан, а также противоречия между различными подзаконными актами и законами.

Действующим законодательством регламентируются различные способы защиты вышеуказанных прав, к которым относятся: защита прав в судебном порядке (обжалование в суде решений и действий (а также бездействий) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц); возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (а также бездействием) органов государственной власти или их должностными лицами; обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод в сфере экологии, при условии исчерпания всех внутригосударственных средств защиты.

Из названных методов защиты экологических прав наиболее часто применяемым и эффективным является процедура защиты прав в судебном порядке. При этом практически всегда защита связана с возмещением вреда, причиненного здоровью и (или) имуществу граждан. В соответствии с нормами Федерального закона №7 «Об охране окружающей среды» в п. 1 ст. 77 и п. 1 ст. 79 такой вред, «...причиненный негативным воздействием окружающей среды в результате хозяйственной и иной деятельности юридических и физических лиц, подлежит возмещению в полном объеме».

Пленум Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»³ дает аналогичное разъяснение касательно возмещения вреда, при этом в постановлении дается уточнение, что «размер причиненного вреда подлежит оценке судом, который устанавливает размер утраченного потерпевшим заработка, определяет понесенные расходы, которые вызваны повреждением здоровья, включая расходы на лечение, дополнительное питание, приобретение лекарств ...» и т.д. Таким образом, речь идет о возмещении убытков и в данном случае целесообразно применять ст. 15 ГК РФ⁴.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 26.05.2015) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 12.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс]: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 07.02.2017) // Справочно правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: www.consultant.ru

Законодателем при этом установлена возможность уменьшения такого рода возмещения с учетом материального положения правонарушителя, однако данная норма не распространяется в случае умышленности действий, согласно п. 3 ст. 1083 ГК РФ⁵.

Анализируя правоприменительную практику можно сделать вывод, что также распространенным способом защиты прав граждан в сфере экологии является обжалование в суд решений и действий (бездействий) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц. В судебной практике наиболее частым примером является обращение прокурора в защиту неопределенного круга лиц (что возможно на основании ст. 45 ГПК РФ).

Подводя итоги можно сделать вывод, что наиболее эффективными механизмами защиты экологических прав граждан являются – судебная. Обращаясь в суд, отстаивая свое право в судебных органах, гражданин защищает не только личное право на окружающую природную среду, но и такое же право для будущих поколений. Также, обращаясь в суд, гражданин доверяет не только названной структуре, но и государственной власти страны в целом, а также показывает при этом, что у него возник спор, который он не может решить иначе, как только в судебных установлениях.

При этом защита прав граждан на благоприятную окружающую среду в суде есть одна из форм юридического воздействия государства или государств на регулирование отношений в рассматриваемой сфере. Являясь конституционным, данное право - одно из основных наряду, например, с естественным и неотъемлемым правом на жизнь. Поэтому следует согласиться с мнением исследователей о необходимости закрепления данного права в законе как права-гарантии, причем не только в российских правовых источниках, но и международных.⁶ Следует также отметить, что не всегда инициатором требований защиты рассматриваемого права должен быть гражданин.⁷ Возможны, на наш взгляд, ситуации, когда инициатива защиты рассматриваемого права должна исходить от самого суда.

В перспективе, кроме того, необходимо принятие соответствующего акта, связанного непосредственно с судебной защитой прав граждан на окружающую среду, где могли быть прописаны и раскрыты указанные права, судебный порядок и особый механизм их защиты, а в дальнейшем и Экологического процессуального кодекса Российской Федерации (ЭПК РФ), поскольку видна насущная необходимость становления кодифицированных норм

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ [Электронный ресурс]: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 23.05.2016) // Справочно правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: www.consultant.ru

⁶ Алихаджиева А.С. Правовой механизм реализации права на благоприятную окружающую среду: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук./ А.С. Алихаджиева. Саратов. 2003.С. 10.

⁷ Анисимов А.П., Працко Г.С. Влияние Организации Объединенных Наций на формирование в российском законодательстве гарантий экологических прав человека // Философия права. 2013. № 4. С. 26 – 31.

экологического процессуального права.⁸ Пока же, как видно, норма, закрепленная в ст. 52 Конституции РФ в части судебной защиты прав граждан на благоприятную окружающую среду, в большей степени, хотя это вопрос спорный, является декларативной, нежели конструктивно конкретной.

Список используемых источников

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. конституц. закон от 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ)// Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ [Электронный ресурс]: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 23.05.2016) // Справочно правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: www.consultant.ru

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 26.05.2015) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 12.

4. Алихаджиева А.С. Правовой механизм реализации права на благоприятную окружающую среду: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук./ А.С. Алихаджиева. Саратов. 2003.

5. Анисимов А.П., Працко Г.С. Влияние Организации Объединенных Наций на формирование в российском законодательстве гарантий экологических прав человека // Философия права. 2013. № 4.

6. Духно Н.А. Необходимость становления экологического процессуального права // Аграрное и земельное право. 2012. № 5.

7. Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С., Рейф И.Е. Перед главным вызовом цивилизации. Взгляд из России/ В.И. Данилов-Данильян., К.С. Лосев., И.Е. Рейф // Зеленый мир.- 2006.- № 19.

⁸Духно Н.А. Необходимость становления экологического процессуального права // Аграрное и земельное право. 2012. № 5. С. 4 – 10.

THE LIMITS OF CRITICISM OF POLITICAL FIGURES IN IMPLEMENTATION OF ARTICLE 10 OF THE EUROPEAN CONVENTION ON HUMAN RIGHTS

GLEB A. GADALOV

Research advisor: Candidate of Juridical Sciences Valentina V. Tereshkova

Siberian Federal University

Paragraph 1 of Article 10 of the European Convention on Human Rights covers several aspects of freedom of expression, i.e. the right to hold any opinion, the right to receive and to disseminate information, ideas and statements.

The freedom to express an opinion can be realized during a demonstration, public protests, through the publication of books, articles, through television or radio broadcasting, orally and in writing, by painting a picture or making a film, via the Internet and social media, and even by creating certain images. This freedom includes not only the right to express an opinion, but to receive and transmit the information. [1]

Article 10 of the Convention also extends to any form of expression, regardless of its content. Under certain circumstances, Article 10 extends to clothing as well. [2] Thus, Article 10 of the Convention protects both the content itself and its form. In addition, the right to freely express one's opinion can be realized both by an individual and by a group of people.

It should be noted that Article 10 of the Convention protects not only positive but also negative statements and ideas, including those that can shock the public, offend or cause concern.

Controversy remains over the issue whether the right to receive information corresponds to the duty of the state to provide it. In the case *Matky v. Czech Republic*, the European Court of Human Rights ruled that environmental NGOs (non-governmental organizations) have the right to obtain information about the location of nuclear power plants. [3]

Recently, there has also been a tendency to apply Article 10 to the right to access databases of intelligence services or information that authorities must provide to the applicant. Although initially such a right was not provided by the Convention, the court's recent case law supplemented the right to express one's opinion with the right to receive information from persons who are obliged to provide it. In practice, the difficulties are caused by the fact that the Convention on Access to Official Documents adopted in 2009 by the Council of Europe has never entered into force.

Freedom of expression implies the existence of a certain system of guarantees in the state, without any pressure on a person to force him to express an opinion or to refuse such an opinion.

The implementation of Article 10 of the Convention is impossible without ensuring conditions for a free press, including the protection of journalistic sources of information. In the case *Goodwin v. The United Kingdom* the court stated that the disclosure by the press of its sources of information would deprive the media of the opportunity to cover socially significant issues and fulfill its function of disseminating information for the development of society.[4]

Consequently, a journalist should be released from liability even if it is subsequently found that any of the facts published are unreliable, provided, of course, that the issue touched upon in the publication is of public interest, does not pursue an agenda, incompatible with the provisions of the law, and certain actions were taken to verify the facts, to which the journalist refers.

Another aspect of freedom of expression is the right to discuss the search for historical truth and to hold open discussions on certain events or facts. In the case *Monnat v. Switzerland*, the court ruled that the state has a duty to ensure openness in the discussion of historical issues or facts. [5]The right to conduct political debates, also, according to the case-law of the ECHR, is covered by Article 10 of the Convention.

At the same time, the right to express an opinion freely is not absolute. Limitation of this right was established by the court. The exercise of the right to freedom of expression can be subject to certain formalities, conditions, restrictions or sanctions that are "prescribed by law" and "necessary in democratic society" for the purposes of national security, territorial integrity or public order, for the prevention of disorder or crime, for the protection of health and morals, for the protection of the reputation or rights of other persons, for preventing the disclosure of information received in confidence, or for ensuring the authority and impartiality of justice. The European Commission of Human Rights (the body that had dealt with the initial examination of individual complaints about the violation of the Convention before 1998) also imposed a restriction on the dissemination of ideas propagating the ideology of nazism, denying the tragedy of the mass destruction of the Jewish people and aimed at inciting intolerance and racial discrimination.

Furthermore, freedom of expression guaranteed by Article 10 of the Convention can not be used in a meaning contrary to Article 17.

When it comes to politics, it is of paramount importance to realize that it is a special sphere of social discourse with the highest level of scrutiny and criticism; on the other hand, a politician, like any other person, has the right to defend their name, honor and dignity. At the same time, the norms on the protection of the honor and dignity of political figures are widely used by the authorities at all levels to fight the independent press and undesirable journalists, to discredit their criticism.

The court, in the case *Lingens v. Austria*, determined that the boundaries of acceptable criticism against a politician are broader than those for criticism of a private person. Unlike the

latter, the former one is inevitable and deliberately puts himself in a position in which every word he says and each of his actions become the subject of the most thorough study, both by journalists and the general public.[6]

With regard to criticism of political leaders, the court has developed the principle of "increased political tolerance," meaning that if a person is a public figure in politics, then they must be prepared for increased attention and criticism from the press. The ECHR has repeatedly stressed that the right of citizens to receive information correlates with the duties of the press to provide such information. As noted by the court, it is the journalist's prerogative to choose the style and form of presentation of information, while some extent of exaggeration or even provocation is allowed.[7]

The court found no violations in cases where journalists allowed themselves to make harsh statements regarding politicians and public servants, such as "idiots" used by the Austrian journalist Oberschlick, [8] "wild beasts in uniform" and "police brutes" by the Icelandic journalist Thorgeirson, who was demanding the reform of the police system. [9] According to the court, it is also possible to talk about different subcultures and their attitudes, even if these subcultures profess nationalist, etc. ideas, accuse a politician of corruption and "squandering" of public funds, use terms to describe the political activity of a citizen (for example, "neo-fascist").[10]

There is also the question of whether private aspects of a public person's life can be publicized (for example, meetings with prostitutes). In considering this issue, the court ruled that the right to privacy extends to sexual relations, but since the brothel is not a "private" or "secret" place, and therefore if the use of prostitute services is not confidential, physical contact with a prostitute is not covered by this concept. [11] The conclusion of the court about the priority of freedom of expression over the private life of a person in this case is controversial.

Some provisions of the Russian legislation do not meet the principles and legal positions of the ECHR. Thus, paragraph 10 of Part 1 of Article 17 of the RF Federal Law "On the State Civil Service" [12] that prohibits state civil servants from making any public statements regarding the activities of state bodies and their leadership, including those made in the media, should be amended since the freedom of expression extends, inter alia, to state and military employees.

Providing increased guarantees to persons who are in the performance of their official duties, first, violates the principle of equality before the law and the court, secondly, among the restrictions provided for in paragraph 2 of Article 10 of the Convention, there are no grounds such as: the need to protect the honor or image of the state, any of its bodies or officials, as well as symbols. Such actions are not necessary in a democratic state, because, as already mentioned above, politicians and statesmen are subject to the principle of "increased political tolerance." Additionally, criticism of the institutions of power and its individual representatives is often the only way for

representatives of civil society to express their dissatisfaction on a particular issue or to touch upon a matter worthy of broad public discussion.

Articles of the Criminal Code of the Russian Federation [13] on libel, including those concerning the authorities, should be decriminalized. Originally a criminal offence, libel was later downgraded to the category of administrative offence, although recently it has been treated as a criminally punishable act. In order to exclude the possibility of exerting pressure on the media and promote the full implementation of Article 10 of the Convention in the Russian Federation, it is necessary to transfer articles 128.1, 298.1 and 319 of the Criminal Code of the Russian Federation [14] to the category of administrative offense. The practice of European states is also moving towards decriminalization of this type of transgression.

For the effective implementation of Article 10 of the Convention, it is necessary to amend Article 56 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation [15] regarding the burden of proof. In cases of defamation of political figures, the burden of proof should be imposed upon themselves. The approach developed by the United States Supreme Court in the case “New York Times v. Sullivan” provides an instructive example. [16] The US Supreme Court moved the burden of proof of the publication of false information in defamation cases from the journalists to the politicians. The US Supreme Court considered that, for a genuine exchange of views, it is necessary that the burden of proof of the actual infidelity and dishonesty of a supposedly libelous statement about the activities of government should be placed on the government itself or government officials.

Despite the positive effect of the decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 24, 2005 No. 3 "On judicial practice in cases relating to the honor and dignity of citizens and business reputation of citizens and legal entities", [17] this act needs to be amended, since criteria for determining the balance of interests have not yet been clarified, and such issues are resolved on the basis of the actual circumstances of certain cases, which makes it difficult to formulate a uniform judicial practice.

References

1. Schabas W.A. *The European Convention on Human Rights: A Commentary*. Oxford, 2015, 1440 p.
2. Stevens v. United Kingdom, 1986, Eurocases Database // [Electronic resource] -URL: <http://freecases.eu/Doc/CourtAct/4549351>
3. Sdruženi Jihočeské Matky v. Czech Republic, 2006, IRIS Merlin Database // [Electronic resource] -URL: <http://merlin.obs.coe.int/iris/2006/9/article1.en.html>
4. Goodwin v. The United Kingdom, 1996, HUDOC Database // [Electronic resource]-URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57974>

5. Monnat v. Switzerland, 2006, HUDOC Database // [Electronic resource] - URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-76947>
6. Lingens v. Austria, 1986, HUDOC Database // [Electronic resource] - URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57523>
7. Dalban v. Romania, 1999, HUDOC Database // [Electronic resource] -URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58306>
8. Oberschlick v. Austria (No.2), 1997, HUDOC Database// [Electronic resource] - URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-76947>
9. Thorgeir Thorgeirson v. Iceland, 2008, HUDOC Database // [Electronic resource] - URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57795>
10. Karman v. Russia, 2006, HUDOC Database // [Electronic resource] - URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-78574>
11. Mosley v. The United Kingdom, 2007, HUDOC Database // [Electronic resource] - URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-104712>
12. Federal Law "On the State Civil Service of the Russian Federation", 2004, "SPS Consultant Plus" // [Electronic resource] - URL: <https://goo.gl/HtCuyv>
13. Criminal Code of the Russian Federation, 1996, "SPS Consultant Plus"// [Electronic resource] - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699
14. I.b.
15. Civil Procedure Code of the Russian Federation, 2002, "SPS Consultant Plus"// [Electronic resource] - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570
16. New York Times Co. v. Sullivan, 1964, Cornell University Legal Information Institute // [Electronic resource] - URL: <https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/376/254>
17. Decision of the Plenum of the RF Supreme Court No. 3 dated February 24, 2005, Rossiyskaya Gazeta// [Electronic resource] - URL: <http://goo.gl/2jBsd2>

DISPUTE BETWEEN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA AND THE REPUBLIC OF PHILIPPINES IN THE SOUTH CHINA SEA.

Арипов Даурен Сейткамалович

Научный руководитель к.ю.н. Татаринов Д.В.

Казахский Национальный Университет имени аль-Фараби

Present article is written with an aim of covering some legal aspects of the dispute between the two states in the region of the South China Sea over maritime territories and islands. Author of this article also has showing the implications of ruling made by the Permanent Court of Arbitration in Hague issued on July 12, 2016 for both future of international law on the world stage and international law in the Asia Pacific region in particular as one of the purposes. Aforementioned ruling is considered to be of great interest for the law of the sea legal sphere for People's Republic of China, which is one of the parties to the dispute, has not recognized Permanent Arbitration Court's jurisdiction in this case and by doing this, as some of the world international lawyers claim, it risks to acquire a status of an "outlaw" state. Moreover, this work will try to make predictions on how the situation will develop in the nearest future.

The China v. Philippines case itself is a constituent part of the larger ongoing legal conflict between several states of the region of Asia Pacific, namely between People's Republic of China (PRC), Philippines, Malaysia, Indonesia, Vietnam, Brunei and Republic of China (Taiwan). The conflict took form when "military clashes of varying severity occurred in the South China Sea (SCS) beginning with China's use of military force against Vietnamese troops to enforce its claim to the Paracel Islands in 1974"[1, p.1]. The specific flashpoint between PRC and Philippines took place "in 1994, (when) China built structures on Mischief Reef, which is well within Philippines Exclusive Economic Zone (EEZ)"[1, p.1]. However, in 1990-s, with a new approaches emerging within the Chinese political establishment a hope for the lasting settlement arose, which resulted in conclusion of the Declaration of Conduct of the Parties in South China Sea (DOC) in 2002. In the Declaration, both of our relevant parties, i.e. PRC and Philippines, together with their counterparts from ASEAN (Association of Southeast Asian Nations) resolved to abide by all recognized principles of the International law as well as by provisions of the United Nations Convention on the Law of the Sea, or UNCLOS. Yet, the efforts failed due to the differences on the matter of which states should be allowed to participate in the negotiating process with China insisting that only relevant state-parties should be let into process, whereas ASEAN resolved to stay unified and proceed together. On the later stages, even though the states made some concessions to each other, which resulted in

their unanimous decision to set up a joint working group to elaborate on particular measures for bolstering cooperation in 2003, the overall process had stalled owing to the lack of controlling mechanism that the state-parties had failed to provide the DOC with [2].

The actual reason behind such a political contention in the region is not hard to identify. Apart from historical claims on maritime areas and features within them made by PRC, there are other factors to the conflict, which have to be taken into account. The first of them is maritime trade passing through the areas of SCS that amounts to nearly 5.3 billion dollars annually [3] and this shows how important the sea is for the world logistic operations. Further, as another key factor, SCS can boast abundance of mineral resources that it contains under its seabed with scientists from Hainan Province of PRC estimating “oil and gas reserves of the main basins in the South China Sea amount to 70.78 billion tons, of which petroleum deposits comprise 29.19 billion tons --with proven extractable deposits reaching up to 2 billion tons--, natural gas deposits comprise 58 trillion cubic meters --with proven extractable deposits totaling 4 trillion cubic meters--”[4,p.1]. Other positive estimations came from The US Energy Information Administration in 2014 when it asserted that the sea contains up to 11 billion barrels of oil and approximately 190 cubic meters of natural gas [4].

Since all relevant states have their own respective claims in the SCS they all have exploitation of its resources in mind. PRC, for instance, has three most efficient of all its oil companies--China National Offshore Oil Corporation (CNOOC), China Petroleum & Chemical Corporation (Sinopec), and China National Petroleum Corporation (CNPC)-- exploring the potential of some areas of the sea, namely the Pearl River Mouth and Qiongdongnan basins [5]. As for the Philippines, the country develops oil fields like Sampaguita oil field and Malampaya oil field in partnership with Royal Dutch Shell, according to Reuters News Agency in 2012 [6].

Having considered the possible quantity of the resources that can be extracted from SCS, the one should also pay attention to the current status of oil-drilling in the regional waters since the claims to the waters implies the claimant's, whatever state it is, eagerness to claim resources of those waters as well. In a particular case of China, it is utterly clear stated in the provisions of its Constitution, namely Article IX of Chapter I, that “all mineral resources, waters... are owned by the State...” The same is relevant for Philippines, which, in its Constitution of 1987, provisioned--in Article I--that the Republic has sovereignty over “its territorial sea, the seabed, the subsoil, the insular shelves and other submarine areas”, as well as for other parties to the contention.

Both parties have claims over the Spratly islands and Scarborough Shoal, interesting to note that when it comes to the Spratly islands PRC lays claim over all of them based on the so called historic rights of China in the region as well as “nine-dashed line”. Demarcation line covering the large part of the South China Sea, which was firstly presented by the Kuomintang government of China in 1947 in order to assert Chinese rights over the sea. After the Communist takeover of China and

establishment of PRC in 1948 Mao Zedong government reiterated claims made by Kuomintang [7, p.3]. On the contrary, the Philippines make their assertions based, as it seems, on a simple proximity of the aforementioned maritime features to the coastal line of the Republic.

Furthermore, the two states are parties to 1982 United Nations Convention on The Law of the Seas (UNCLOS) since 1984 (Philippines) and 1996 (PRC). Hence, both parties incurred on themselves obligations to comply with and abide by the rules of UNCLOS and the Convention provides mechanism for resolving such disputes between the state parties to it in Annex VII of the Convention in a form of tribunal comprising five judges.

On January 22, 2013 Philippines issued a note verbale indicating the country's intention to start arbitration process outlined in Article 287 of the UNCLOS and received a response from Chinese embassy on February 19 of the same year expressing refusal to participate. Since then PRC issued additionally a position paper stating that Chinese historical claims in the region are undisputable and that in 2006 the country made a declaration, legal under Article 298 of the Convention, ruling out jurisdiction of any tribunal established under Section 2 of Annex VII of the UNCLOS in the matters of delimitation of maritime boundaries.

However, after Philippines finally applied to the tribunal and made their 15 submissions, tribunal issued Award on jurisdiction asserting that "a dispute concerning the existence of an entitlement to maritime zones is distinct from a dispute concerning the delimitation of those zones in an area where the entitlements of parties overlap". [8, paragraph 156]

The Award of the tribunal was issued on July 12, 2016 and in it tribunal confirmed Philippines's claim of Chinese nine-dashed line and historical claims as being invalid after they accessed UNCLOS in 1996. It also branded some of the maritime features stated by PRC to have entitlements, such as 12 nautical miles jurisdiction zone, as ones not having such entitlements since they are either submerged during high tide or are artificially propped up. [9]

Regarding the importance of the matter and its relevance for contemporary world it should be noted that with refusal of PRC government to comply with the Award issued by the tribunal on SCS dispute and anti-Chinese rhetoric taken by the new administration of the United States [10] possibility of rising tensions in the region can increase. In this case stance of the U.S concerning the freedom of navigation in the zones claimed by China and calls for the People's Republic to comply with the ruling should be taken a heed of as a possible deteriorating factor for developments in PRC-U.S bilateral relations, as well as the entire peace and security in the region.

Still, even though legal importance of the dispute is evident and in some ways even precedent, the decision of the tribunal is of no avail if Philippines do not trigger the process and now it seems highly unlikely. In stark contrast to his predecessor, former president Benigno Aquino III, current leader of Philippines, Rodrigo Duterte, is more inclined to cooperate with China and to

return to the bilateral format of resolving the dispute as prescribed in 2002 Declaration of Conduct [10]. Thus, author dares to predict that PRC will not recognize tribunal's decision as binding for itself and will continue to assert that Convention cannot be applied in this particular case since the issue touches on the matter of sovereignty. As of the solution for the dispute, it seems likely that parties will return to pre-litigation phase, i.e. either bilateral talks or ASEAN-PRC format.

References

1. Bonnie S. Glaser. Tensions Flare in the South China Sea// Center for Strategic and International Studies. - 2006.
2. Minjiang Li. Managing Security in the South China Sea: from DOC to COC// Center for Southeast Asian Studies, Kyoto University. - 2014.
3. Bonnie S. Glaser. Armed clash in the South China Sea// Center for Strategic and International studies. - 2012.
4. Li Guqiang. China Sea Oil and Gas Resources// China Institute of International Studies. - 2015.
5. U.S. Energy Information Administration South China Sea. - 2013.
6. Randy Fabi, Manuel Mogato. Conflict looms in South China Sea oil rush// Reuters. - 2012.
7. Limits in the Seas. №143 China: Maritime Claims in the South China Sea// United States Department of State, Bureau of Oceans and International Environmental and Scientific Affairs. - 2014.
8. Award on Jurisdiction and Admissibility//PCA Case № 2013-19 In the matter of an arbitration before an arbitral tribunal constituted under Annex VII to the 1982 United Nations Convention on the Law of the Sea between the Republic of the Philippines and the People's Republic of China. -2015.
9. 'No access': Rex Tillerson sets collision course with Beijing in South China Sea// The Guardian. - 2017.
10. Charlie Campbell. Philippine President Duterte's Bold Move on China Spells Trouble Ahead// the Time. - 2016.

STUDY OF FOREIGN LANGUAGES IN MONGOLIA

Tsogoo Tamir

Scientific Advisor – R. A. Sviridon, PhD in Pedagogy

Reshetnev Siberian State Aerospace University, Krasnoyarsk, Russia

I would like to start my article from saying that Mongolia is a country situated in Central Asia, it is bordered by Russia and China. The capital of Mongolia is Ulaanbaatar (UB). Mongolia is mainly inhabited by Halh-Mongols, but there are other minorities like Kazakhs, Koreans, Russians and so on. It is a democratic country where every man and woman has equal freedom and rights. Everyone has the right to speak or study a foreign language they prefer.

When Mongolia was a socialistic country, allied with the USSR, the most popular foreign language was Russian, even in schools it was necessary to study the Russian languages. But after the Democratic revolution Mongolia became a democratic and capitalistic country, more oriented on the Western countries, especially the USA. Now in modern Mongolia the most spread foreign languages are English, Korean, Japanese, and Chinese. Russian is still a very popular among Mongolians but not as before.

Now more and more Mongolians study the English language, especially the youth, they prefer to study in highly developed countries, like the USA or Japan. In the past few years the English language became very popular in the country.

The government of Mongolia some years ago said that now in schools it is necessary to learn English as a new foreign language subject.

To improve the knowledge of English among Mongolians, the government started building many English schools and welcomed many specialists from English-speaking countries who began to teach English to people of Mongolia. The biggest and the most popular English school in Mongolia is the British school, located in UB.

Every year many representatives of many different universities of the USA, UK and so on come to Mongolia, they held conferences in which they describe their universities and welcome Mongolian students to study there. To enter there one must pass TOEFL or IELTS, English exams, and after that one can choose where to study. Many Mongolians who have passed those exams usually like to choose to study in the USA and Australia.

To help students pass TOEFL or IELTS, the government opens many English-teaching schools around the country, where foreign or English-speaking Mongolians teach them English and help them to pass those exams. One of those many schools is Jet, located in the central district of the capital.

Except English Mongolians also choose to study in Korea or Japan, for that they learn these languages.

If we look at the Russian language we will see that Russian is no longer a very popular language, Russian has lost its popularity among Mongolians since the creation of modern Mongolia.

But it is still a very spread language, many old people know it since childhood. There are still many Russian teaching schools in Mongolia, like School #3 or Russian Embassy School in Mongolia. There is also a branch of Plekhanov University and the Russian Cultural Centre (RCC) , located in UB.

Still many Mongolian students choose to study in Russia, they pass many Russian language tests, participate in many competitions organized by RCC, they usually choose to study in Moscow or Saint Petersburg, also many Mongolians study in the regions close to Mongolia, like in Irkutsk Oblast or in Buryatia.

In conclusion, I would like to say that Mongolia is a developed country where education is one of the priorities of the government, many Mongolians study many foreign languages for study, job or just for personal needs. Nowadays Mongolians usually choose English as a foreign language to study but, all in all, in Mongolia you can study and speak any language you want or prefer.